

УДК 930

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVII В.

Рябченко А. Г., Ирицян В. А.

«Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»

В статье рассматриваются деятельность правоохранительных органов по раскрытию и пресечению преступлений в Московском государстве в XVII в. Наибольший объем работы по борьбе с преступностью выполнял Разбойный приказ, руководящий деятельностью губных учреждений, занимающихся расследованием краж, разбоев и убийств, приносящих заметный вред формирующимся общественным отношениям. В работе были выявлены особенности борьбы с преступностью, касающиеся участия в разбоях представителей как низших, так и высоких сословий, излишней забюрократизированностью правоохранительной деятельности, особой роли общины в поведении следственно-розыскных мероприятий. Отмечено значение сыска как института, прошедшего в своем развитии длительный путь эволюции его организационно-правовых основ.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, антикриминальная политика, кража, разбой, убийство, Московское государство, архивные документы, губные учреждения, Разбойный приказ, Земский приказ, уголовное дело, розыск преступников, воеводы, губные старосты.

Эпоха Московского государства, являющаяся одной из наиболее значимых в истории России, отмечена серьезными изменениями в правовой сфере, в том числе уголовно-процессуальном праве. Глобальные изменения в основах уголовного процесса привели на завершающем этапе рассматриваемой эпохи к складыванию новых подходов к восприятию правовых явлений, существенно меняющих цели и задачи уголовного судопроизводства.

На рубеже XV-XVII вв. деятельность органов и должностных лиц, занимающихся раскрытием и пресечением преступлений, осуществлялась чиновниками, выполняющими розыскные и следственные действия.

Основную роль в реализации антикриминальной политики Московского государства в XVII в. наравне с приказами и воеводствами играли губные учреждения (губные избы), деятельность которых контролировалась расположенным в Москве Разбойным приказом. Кроме того, уголовным сыском занимались представители центральной власти на местах (воеводы, наместники, волостели). В их подчинении находились различные чиновники – стрельцы, пушкарки, тиуны, доводчики и другие. В Москве и Московском уезде уголовным сыском занимался Земский приказ (Земский двор).

Наибольший вред общественным отношениям причиняли кражи, разбои и убийства, и именно по этим составам концентрировались усилия губных учреждений, и прежде всего в части розыска преступников [1]. В свою очередь, из указанных трех составов в архивных документах чаще всего фигурируют разбои, соответственно разбойники являлись главным объектом антикриминальной деятельности губных учреждений.

Социальный состав участников разбойных нападений был в сословном плане крайне неоднороден, начиная от крестьян и холопов и заканчивая представителями более высоких сословий, что можно видеть, в частности, по содержанию некоторых десятен, представляющих собой документы, закрепляющие списки служилых лю-

дей по отечеству. Из десятиен также видно, что преступниками-разбойниками были и достаточно знатные дворяне [2, с.80]. О более конкретных участниках разбоев можно судить по архивным данным.

Так, в одной из десятиен 1622 г. указывается А.Г.Пилюгин – владелец поместья в 150 четвертей, 5 крестьян и 5 бобылей, который «в государеве разбойном деле дан на поруки по сыску князя Микиты Борятинского и двор и животы запечатаны до государева указу» [3].

Из архивных документов и грамот разного рода рассматриваемого периода видно также, что тяжкие преступления совершали преступные группы, в составе которых были как крестьяне, так и помещики, то есть имели место совместные внесословные банды. Так, в 1693 г. помещик С. Рукин был обвинен в совершении убийства, то есть в «убийственном» деле. С целью его задержания воевода М. Леонтьев направил ротмистра Б. Завесина, двух подъячих и караульщиков, которые должны были «запечатоть» имущество и привести самого обвиняемого в приказную избу. Как видно из доклада об этом происшествии, в одной из деревень отряд стражей правопорядка (дело происходило в Воронежском уезде) задержал двух крестьянок, которые принадлежали обвиняемому помещику С. Рукину. Однако вскоре Рукин и его люди напали на отряд, отбили крестьянок и не позволили опечатать имущество. Сам Рукин, вероятно, чувствовал себя довольно уверенно, поскольку хвастался, что «побьет посланных за ним, а себя не выдаст». Тем не менее командир отряда Завесин сумел задержать одного крестьянина, который был в собственности Рукина, который признался в кражах и «иных воровствах».

Во время допроса с использованием пытки этот крестьянин дал показания, согласно которым Рукин с крестьянами был замечен в соседнем селе, где была совершена кража стада скота. Перечень преступных деяний помещика был дополнен укрывательством неподалеку проживающих от него беглых донских казаков.

От банды Рукина, судя по грамотам, пострадали и другие жители той местности. За поимкой этой банды вновь был снаряжен специальный отряд из местных правоохранителей, однако задержать удалось только самого Рукина, а остальные члены преступной группы сумели отбиться. В этой связи воевода запрашивал инструкции в Приказе сыскных дел по данному делу [4; с. 219]. Такое развитие событий дает основание полагать, что действовавшая тогда правоохранительная система не всегда эффективно справлялась с преступными проявлениями.

Розыскные мероприятия, проводимые губными учреждениями, усложнились двумя факторами: запретом на воевод, губных старост и сыщиков проводить арест подозреваемых в совершении преступления лиц из соседних уездов, что свидетельствует о наличии определенных бюрократических ограничений в деятельности правоохранительных органов и слабо развитые транспортные возможности, что затрудняло проведение очных ставок.

Проблема взаимодействия правоохранительных органов разных территорий возникла даже в одном воеводстве, в частности, Кромский воевода Дурново являлся, по сути, посредником, между губными сыщиками двух соседних уездов, которые для проведения следственно-розыскных мероприятий в другом уезде должны были письменно обращаться к воеводе за разрешением [5].

Отсутствие единообразия в следственно-розыскных действиях приводило к необходимости обязательного согласования ареста подозреваемого из соседнего уезда путем получения грамоты из Разбойного приказа.

Так, основанием для проведения «обыска о разбойниках» в отношении подозреваемых в совершении разбойного нападения детей боярских Ханеева и Варнавина являлась выданная в 1649 г. губному старосте Мальцеву грамота из Разбойного приказа.

Там во время следственно-розыскных мероприятий Мальцев получил сведения о том, что Ханеев находится в уезде, куда разрешения Разбойного приказа не было, и тогда Мальцеву пришлось обращаться к местному воеводе [6]. Мы полагаем, что такая забюрократизированность правоохранительной деятельности на местах была препятствием для более эффективной борьбы с преступностью.

Указанные нестыковки в деятельности правоохранительных органов (прежде всего, воевод, губных старост и сыщиков) показывали недостаточно развитую систему управления борьбой с преступностью, несмотря на то, что Московское государство уже с самого начала XVII в. было централизованным государством, а в течение века централизация еще больше укреплялась.

Представляет интерес рассмотрение одного из уголовных дел по краже (1636 г), эпизоды которого выходили за рамки привычного сценария. После подачи челобитной в губную избу стрелецким пятидесятником Ланиным по поводу кражи у него крестьянином Карачунского монастыря Ходой 4 лошадей и имущества на сумму 132 рубля губной староста Кречков провел «лихованный обыск», который не дал признательных показаний в совершенной татьбе, открыв при этом обстоятельства другой совершенной крестьянином кражи.

Последующее развитие уголовного дела связано с обращением истца к губному старосте с просьбой о передаче материалов для расследования в Разбойный приказ. Староста Кречков направил дело в Москву, взяв при этом с Ланина поручную записку о том, что тот при первом же вызове явится в Разбойный приказ.

Очевидно, к тому времени Разбойный приказ уже наработал определенный авторитет и к нему стали обращаться в тех случаях, когда по каким-либо причинам не доверяли местным сыщикам. Не последнюю роль, вероятно, имело и социальное положение Ланина, что подтверждается тем, что ему из Разбойного приказа было доверено доставить грамоту с указаниями по этому делу для губного старосты. Разбойный приказ предписывал вновь пытаться Ходу с теми же вопросами, сыскивать тех лиц, которых Хода будет называть, устраивать при необходимости очные ставки.

Выплата обвиняемым Ходой государевых пошлин в рамках заключенного с Ланиным перемирия положила конец новым пыткам и привела к подписанию мировой челобитной, копия которой была направлена в Разбойный приказ, а подлинник оставался в губной избе.

Вскоре из Разбойного приказа пришло сообщение, согласно которому Хода был отдан на поруки, а опечатанное ранее его имущество было ему возвращено.

Как видно, здесь налицо действие института частного обвинения. В этой связи заметим, что в данном конкретном случае указанное решение Разбойного приказа шло вразрез с нормами губного дела, согласно которым мир с ответчиками по разбойным делам запрещался. Однако, на наш взгляд, в этой позиции не учитывается

то обстоятельство, что было совершено не разбойное нападение, а кража. Кроме того, вина Ланина окончательно так и не была доказана – ведь он отказался признаваться в этом преступлении, а о других доказательствах, кроме челобитной истца, в документах не говорится.

Представляет интерес деятельность правоохранительных органов при совершении убийства. Так, в июне 1638 г. сын боярский Остапов представил челобитную воеводе Вельяминову и обвинил в убийстве крестьянина Голенского (князя Воротынского) боярским сыном Турмышевым. В последующем, как оказалось, эти обвинения стали расходиться с показаниями других свидетелей. Так, по показаниям приказчика Ивлева, работающего в хозяйстве князя Воротынского, заслуживают внимания слова подростка Иванова, работающего пастухом по найму в деревне и указавшего на убийц крестьянина детей боярских Астафьева, Караулова, Остапова.

О достоверности показаний мальчика говорит тот факт, что указанные лица (кроме Караулова) признались в совершении убийства.

В январе 1639 г. приказчик Ивлев привез грамоту Разбойного приказа с инструкциями для губного старосты, где указывалось, в частности, что посаженных по этому делу в тюрьму следует пытаться в том, участвовали ли они в других кражах и разбоях, а самих убийц держать в тюрьме «до государева указа», взыскать в них поголовные деньги с двух убийств (8 руб.) за счет продажи имущества виновных [7].

Судя по всему, губной староста Буханов поголовные деньги в Разбойный приказ не направил, за что получил выговор от Разбойного приказа: «и ты так делаешь не гораздо: нашим делом не радеешь» [8]. Это факт свидетельствует о том, что Разбойный приказ контролировал деятельность губных учреждений достаточно строго.

Производство уголовного дела по убийству в Московском государстве рассматриваемого периода имело некоторую специфику. Так, до 1625 г. убийство рассматривалось, как правило, в связи с разбоем, то есть мотив совершения убийства был корыстным. Однако согласно боярскому приговору от 17 февраля 1625 г. [9; с.46-48] убийство выделяется как самостоятельный вид преступления. С этим указом связана деятельность героя народного ополчения времен Смуты Дмитрия Пожарского, который с 1621 г. возглавлял Разбойный приказ. По инициативе Пожарского внесены и приняты 3 новых закона, в том числе – от 14 октября 1624 г., устанавливавший ответственность владельца холопа или другого зависимого человека за совершенные последними преступления, даже если преступника уже нет в живых.

Говоря об особенностях борьбы с преступностью, которую проводили губные учреждения, воеводства и Разбойный приказ, нельзя не отметить и роль общины в следственно-розыскных действиях, так как в преследовании воров участвовали жители села, где была совершена кража, а участие в погоне было закреплено как обязанность. Если иметь в виду убийства, то предписывалось обнаруженное тело убитого привезти в село к церкви и бить в колокола. Жители обязаны были прийти для разбирательства «на кровь, и на след, и на совет». Не пришедший тут же попадал в подозрение и подлежал пристрастному допросу.

Изложенное дает основание констатировать, что в специфических условиях развития российской государственности сыск из общественного института в XII–XV в. трансформируется в государственно-правовое явление, приобретает устойчивый публично-правовой характер и с XVII в. эволюционирует как неотъемлемая часть правоохранительной функции государства, реализуемой в деятельности его органов.

При этом основную деятельность по борьбе с преступными проявлениями в виде краж, разбоев и убийств в Московском государстве XVII в. непосредственно осуществляли губные учреждения во главе с губными старостами, которые имели для этого специальный аппарат, качественный состав которого нормативно не определялся.

Список литературы:

1. Лядов, А.О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): специальность 12.00.01 «Теория права и государства; История права и государства; История политических и правовых учений»: дисс. на соиск. ... канд. юрид. наук / Лядов Алексей Олегович; Санкт-Петербургская академия МВД России. - Санкт-Петербург., 1997. - 186 с. - Текст: непосредственный.
2. Скрынников, Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. / Р.Г. Скрынников. - Ленинград, Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1985. - 327 с. Текст: непосредственный.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятилет. Д. 87. - Л. 50об.
4. Глазьев, В.Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке: монография / В.Н. Глазьев. - Воронеж, Воронежский государственный университет, 2001. - 432 с. - Текст: непосредственный.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Д. 30. - Л. 37-38.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 15. Д. 298. - Л. 247-249.
7. Рябченко, А.Г. Наказания, связанные с лишением свободы, в системе государственных мер противодействия преступности в России во второй половине XVII в.: правовое регулирование и применение / А.Г. Рябченко, М.Р. Гиш - Текст: непосредственный // Общество и право. 2011. - № 3 (35). - С.13-16.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Д. 77. - Л. 332. - Текст: непосредственный.
9. Боярский приговор от 17 февраля 1625 г. // Памятники права периода создания абсолютной монархии. - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1963. - 508 с. - Текст: непосредственный.

Ryabchenko A. G., Iricyan V. A. Features of the organization of criminal procedural activity in the Moscow state in the XVII century // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. - 2023. - Т. 9 (75). № 4. - P. 56-60.

The article examines the activities of law enforcement agencies in the detection and suppression of crimes in the Moscow state in the XVII century. The greatest amount of work on combating crime was carried out by the Robbery Order, which directs the activities of criminal institutions involved in the investigation of thefts, robberies and murders that bring noticeable harm to the emerging public relations. The work revealed the peculiarities of the fight against crime, concerning the participation in robberies of representatives of both lower and higher classes, excessive bureaucratization of law enforcement, the special role of the community in the conduct of investigative and investigatory activities. The importance of investigation as an institution that has passed a long path of evolution of its organizational and legal foundations in its development is noted.

Key words: criminal procedure law, anti-criminal policy, theft, robbery, murder, the Moscow state, archival documents, criminal institutions, robbery order, Zemstvo order, criminal case, search for criminals, voivodes, provincial elders.

Spisok literatury:

1. Lyadov, A.O. Ugolovnyj syisk v dorevolucionnoj Rossii (istoriko-pravovoj aspekt): special'nost' 12.00.01 «Teoriya prava i gosudarstva; Istoriya prava i gosudarstva; Istoriya politicheskij i pravovyh uchenij»: diss. na soisk. ... kand. jurid. nauk / Lyadov Aleksej Olegovich; Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii. - Sankt-Peterburg., 1997. - 186 s. - Tekst: neposredstvennyj.
2. Skrynnikov, R.G. Social'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII v. / R.G. Skrynnikov. - Leningrad, Izd-vo LGU im. A.A. Zhdanova, 1985. - 327 s. Tekst: neposredstvennyj.
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 4. Dela desyaten. D. 87. - L. 50ob.
4. Glaz'ev, V.N. Vlast' i obshchestvo na YUge Rossii v XVII veke: monografiya / V.N. Glaz'ev. - Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2001. - 432 s. - Tekst: neposredstvennyj.
5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 13. D. 30. - L. 37-38.
6. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 15. D. 298. - L. 247-249.
7. Ryabchenko, A.G. Nakazaniya, svyazannye s lisheniem svobody, v sisteme gosudarstvennyh mer protivodejstviya prestupnosti v Rossii vo vtoroj polovine XVII v.: pravovoe regulirovanie i primenenie / A.G. Ryabchenko, M.R. Gish - Tekst: neposredstvennyj // Obshchestvo i pravo. - 2011. - № 3 (35). - S.13-16.
8. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 13. D. 77. - L. 332.
9. Boyarskij prigovor ot 17 fevralya 1625 g. // Pamyatniki prava perioda sozdaniya absoljutnoj monarii. - Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1963. - 508 s. - Tekst: neposredstvennyj.